

Сов. культура,
Он излучал
1984, 1-й сем
ПОЭЗИЮ

и правду

Судьба подарила мне счастье быть знакомым с Александром Петровичем Довженко, возможность общения, увы, недолгого, с этим поразительным художником и незабываемо прекрасным человеком.

Был это 1956 год, работал я тогда оператором на Киностудии им. М. Горького, готовился к съемкам очередной картины. Вдруг — звонок домой. Звонил Александр Петрович Довженко. Можете себе представить, как я был удивлен. Чем могла привлечь моя скромная персона выдающегося киномастера, можно сказать, живого классика советского кино?

Александр Петрович предложил встретиться, поговорить. Через несколько дней я приехал к нему на дачу. Разговор шел о вещах самых разнообразных. Впрочем, говорил-то в основном Александр Петрович, интересно, образно, а я слушал и все больше проникался симпатией к нему. Живой ум, эрудиция, принципиальная позиция гражданина, коммуниста — все это сочеталось в нем с поистине детской непосредственностью.

Я уезжал, совершенно плененный этим замечательным человеком и совершенно счастливый от общения с ним. У меня и в мыслях не было, что Довженко как-то связывает со мной творческие планы. Но это оказалось именно так. Мне было предложено стать оператором «Поэмы о море».

Подготовительный период, выбор природы, актерские пробы — во всем этом довелось мне принимать участие, будучи рядом с выдающимся мастером, наблюдая за его работой, помогая по мере моих сил и знаний. Довженко с такой яростной безраздельностью отдавался работе, картине, что вокруг него словно бы образовывались мощное силовое поле, особая эмоциональная атмосфера, заряжавшая окружающих творческим «электричеством». Он мог в любой момент спросить, к примеру, у оператора: «Какая там дальше реплика?..», и было стыдно не знать, и мы знали, ибо под воздействием личности режиссера кровно приобщились к будущему фильму.

После тяжелого, предельно насыщенного дня работы с Довженко я приходил домой, ощущая за спиной крылья, и вел себя порой как мальчишка. Даже, помню, 4-летняя дочь, удивив меня и жену, как-то заметила: «Папа наш стал другой!».

Да, рядом с ним люди преображались, отрешались от мелочей быта, от пустого и наносного. Он излучал поэзию и правду.

Поражало его неприятие камонов, бурлящий в нем ежеминутно новаторский дух. Он мог прийти с утра на съемочную площадку, где уже выстроены им же накануне утвержденные декорации, и с горящими глазами выложить совершенно новый проект, действительно еще более талантливый и точный. Он даже представить себе не мог, что возможно поступиться уровнем правды ради экономии одного-двух дней. Бескомпромиссность художника — вот, пожалуй, одно из самых ярких свойств личности Довженко.

Мы вместе ездили на Днепр, на Каховскую ГЭС выбирать натуру. Сколько же любви к родной украинской земле было во взоре Александра Петровича, когда глядел он в зеленые, теплые степные дали или на мирную гладь днепровской воды. Да и можно ли так, как он, снять в кино землю родную, не любя ее по-довженковски сильно, нежно, беззаветно!

Он умер, не успев начать съемки «Поэмы о море». Его труд довершила жена и друг Юлия Ипполитовна Солнцева. Стоя у кинокамеры, я ощущал, что дух великого мастера и прекрасного человека незримо присутствует здесь, побуждает всех нас к точности, к правде.

Это ощущение и поныне со мной.

Гавриил ЕГИАЗАРОВ,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной
премии РСФСР.